

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ
ОПЫТЕ КПСС

73-3

35432

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

РОСТОВСКИЙ-НА-ДОНУ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

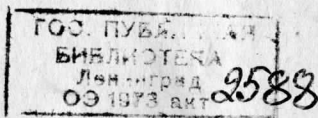
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ
ОПЫТЕ КПСС
(СБОРНИК СТАТЕЙ)

Ростов-на-Дону
1973

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
П. В. Барчугов. Из истории борьбы В. И. Ленина, большевиков против контрреволюционной идеологии в годы реакции	3
М. М. Сныткин. Ф. Энгельс и первые русские марксисты — члены группы «Освобождение труда»	22
Г. Г. Бауман. Из истории борьбы В. И. Ленина за Коммунистический Интернационал	34
А. Ф. Шевченко. Деятельность Коммунистической партии по перестройке высшей школы в восстановительный период (1921—1925). (Краткий историографический обзор)	55
В. И. Иванов. К вопросу о деятельности Северо-Кавказской краевой партийной организации по руководству советским строительством в 1924—1925 гг.	65
А. И. Поташева. Вопросы интернационального воспитания трудящихся в историко-партийной литературе	87
Б. Д. Фролов. Разъяснение решений XIX съезда ВКП(б) в партийных организациях	102

43 - 42114

М. М. СНЫТКИН

Ф. ЭНГЕЛЬС И ПЕРВЫЕ РУССКИЕ МАРКСИСТЫ — ЧЛЕНЫ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Отношение основоположников марксизма, в частности Ф. Энгельса, к русскому революционному движению представляет большой интерес. Современные идейные противники марксизма всячески пытаются исказить действительное положение вещей по этому вопросу, утверждая, будто Энгельс был противником распространения идей научного коммунизма в России и отдавал предпочтение народолюбцам, с неприязнью относясь к Плеханову и его единомышленникам из группы «Освобождение труда».

В свое время еще сам Плеханов решительно опроверг подобного рода попытки, предпринятые клеветниками из лагеря оппортунистов. «Когда издания группы «Освобождение труда», — писал он в 1903 г. в статье «Карл Маркс», — положили начало распространению социал-демократических идей между русскими революционерами, Энгельс... выразил сожаление о том, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словам, радостно приветствовал бы литературное предприятие этой группы»¹⁾.

Существует обширный литературный материал, дающий возможность в развитии проанализировать взгляды Энгельса на судьбы российского революционного процесса, на его отношение к пионерам русского марксизма. Этот материал полностью изобличает современных антикоммунистов как злобных фальсификаторов указанной темы.

Ф. Энгельс стоял у истоков российского марксизма. Немалое значение в повороте бывших «чернопередельцев» от народничества к марксизму имела критика им русского утопического социализма. Тем не менее в силу ряда обстоятельств отношения Энгельса с группой «Освобождение труда» дейст-

¹⁾ Г. В. Плеханов. Соч., т. XII. М., Госиздат, 1924, с. 327—328.

вительно установились не сразу. Дело в том, что в России в условиях революционной ситуации конца 70-х годов прошлого века реальной революционной политической силой были только народолюбцы. Вот почему Энгельс, а до 1883 г. и Маркс относились к народолюбцам с нескрываемой симпатией и оказывали им всемерную поддержку. Напротив, к чернопередельцам, остававшимся на позициях бакунизма и отрицания политической борьбы, они относились подозрительно, особенно к их заграничной группе, возглавляемой Плехановым, хотя последний уже к 1881 г. отошел от прежней программы «Черного передела» и был захвачен идеями «Манифеста Коммунистической партии», переводя его на русский язык.

Но ни Маркс, ни Энгельс не знали об этой эволюции Плеханова и его товарищей. В известном письме В. И. Засулич к Марксу от 16 февраля 1881 г. она почти никак не прослеживается. Впервые поворот Плеханова к марксизму более или менее явственно проступает в его «Нескольких словах от переводчика», которые он предпослал переведенному им на русский язык «Манифесту Коммунистической партии», вышедшему вторым изданием в начале 1882 г. В этих «Словах» Плеханов справедливо видит будущее революционного движения России в учении Маркса об исторической роли рабочего класса. «От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему «враждебной противоположности» его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения»²⁾, — писал он.

Необходимо заметить, что именно Плеханову принадлежала инициатива того, чтобы новому переводу на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» было предпослано и новое предисловие его авторов. Через П. Л. Лаврова ему удалось этого добиться, что имело важное значение, так как Маркс и Энгельс в новом предисловии развили дальше свои взгляды на судьбы русской революции, чем дали новое идейное оружие российским революционерам, в первую голову — марксистам. Создание данного предисловия свидетельствовало о большом и неслучайном интересе основоположников научного коммунизма к плехановскому переводу «Манифеста», который во многом выгодно отличался от первого бакунинского перевода 1869 г. Плехановские же «Несколько слов от переводчика», предпосланные второму переводу, говорили о явной тенденции женевской группы чернопередельцев к разрыву

²⁾ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник VIII, ч. 1, 1940, с. 24.

с народнической идеологией и к признанию политической борьбы.

Окончательный разрыв чернопередельцев с народничеством и оформление их в марксистскую группу «Освобождение труда» произошли уже после смерти Маркса, поэтому идейным наставником и советчиком группы в дальнейшем стал Энгельс. Однако и его отношения с ней сложились не сразу. Предпринятая группой широкая издательская деятельность по переводу на русский язык произведений основоположников марксизма была встречена Энгельсом с некоторой настороженностью. Он должен был выяснить сначала идейное направление и политическое лицо группы, членов которой ранее знал как чернопередельцев.

13 ноября 1883 г. Засулич обратилась к Энгельсу с письмом, в котором просила разрешения на перевод 2-го тома «Капитала» и высылала объявление группы «Освобождение труда» — «Об издании «Библиотеки современного социализма». Одновременно с письмом Засулич послала Энгельсу переведенную уже на русский язык работу Маркса «Наемный труд и капитал» и сообщала о том, что переведенный ею труд Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» находится в печати³⁾.

Плеханов, большой труд которого «Социализм и политическая борьба» вышел еще летом 1883 г., не решился послать его Энгельсу, так как опасался, что содержащаяся в его книге резкая критика народничества не будет правильно воспринята, ибо Энгельс, а несколько ранее и Маркс не исключали в те годы возможности некапиталистического развития России и в народолюбцах в связи с этим видели единственную русскую революционную партию.

Энгельс, ознакомившись с объявлением «Об издании «Библиотеки современного социализма», одобрил его, заметив, что русские друзья теперь «окончательно порвали со своими анархическими традициями»⁴⁾. В ответном письме к Засулич Энгельс приветствовал начало издательской деятельности группы «Освобождение труда». «Мне доставило большое удовольствие, — писал он, — Ваше сообщение, что именно Вы взяли на себя перевод моего «Развития и т. д.». «Жду с нетерпением Вашего труда и вполне ценю честь, которую Вы мне оказываете»⁵⁾. Несколько позже Энгельс с

³⁾ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1951, с. 302.

⁴⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 36, с. 64.

⁵⁾ Там же, с. 62.

большой похвалой отозвался об осуществленном переводе и с удовлетворением разрешил перевод марксовой «Нищеты философии» и своих произведений «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии».

Постепенно Энгельс все больше сближается с группой «Освобождение труда», хотя по-прежнему не порывает связей и с представителями «Народной воли». До появления книги Плеханова «Наши разногласия» Энгельс так и не выказал своего отношения к его «Социализму и политической борьбе» — к произведению, по поводу которого разгорелся ожесточенный спор между российскими народниками и марксистами.

В феврале 1885 г. Засулич отослала Энгельсу по просьбе Плеханова его новый труд «Наши разногласия», сопроводив письмом, в котором просила отозваться о книге. «Темой книги, — писала она, — является все тот же сакраментальный вопрос: усилия русских людей найти самостоятельные пути для развития своей родины»⁶⁾. Засулич предупреждала Энгельса, что книга Плеханова «безусловно вызовет целую бурю», так как она нападает на народничество и прямо заявляет о бессилии народолюбцев в борьбе с царизмом⁷⁾.

В ответном письме Энгельс отметил «ряд удачных выражений» в плехановском труде, но от оценки книги в целом воздержался, сославшись на недостаточное знание русского языка и условий развития российской действительности.

Необходимо заметить, что в 80-е годы XIX века Энгельс, с одной стороны, и члены группы «Освобождение труда», с другой, по-разному оценивали не только перспективы, но и ближайшие задачи русского революционного движения. Энгельс ошибался в конкретных сроках русской революции, хотя и был безусловно прав относительно ее общей неизбежности и величия международной значимости. «Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — в надеждах на победу революции. Но такие ошибки гигантов революционной мысли... в тысячу раз благороднее и исторически ценнее, чем пошлая мудрость казенного либерализма»⁸⁾.

Однако для русских марксистов вопрос о близости революции имел принципиальное значение. От этого зависела не

⁶⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 508.

⁷⁾ Там же.

⁸⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 248—249.

только их теоретическая, но и практическая деятельность. Если революция близка, а рабочий класс к ней еще не готов, то остается единственное — принимать народовольческую тактику заговоров; если же революция далека, то следует готовиться к ней основательно, идти в массы, к рабочим в первую голову, вести агитацию и пропаганду, создавать партию и т. п.

После 1 марта 1881 г. наступил кризис народовольчества, Россию стала захлестывать свирепая политическая реакция. Это понимали члены группы «Освобождение труда», но довольно длительное время это было не ясно Энгельсу. Он соглашался с Плехановым в том, что народovolьцы не смогут захватить власть и использовать ее для социалистических преобразований, но считал очень важным само начало революции. «Пусть только, — писал он, — они пробьют брешь, которая разрушит плотину»...⁹⁾.

Энгельсу отвечала Засулич, стремясь убедить в том, что народovolьчество потерпело полный крах, а новые революционные силы — марксисты — еще не сформировались¹⁰⁾. Письмо это осталось неотправленным. Спустя год, в течение которого переписка между Энгельсом и группой «Освобождение труда» не осуществлялась, Энгельс вновь обращается к вопросу о возможности революции в России и снова, хотя и осторожнее, чем раньше, не исключает успешности ее осуществления путем заговора, особенно после покушения на царя в марте 1887 г.

Борьба группы «Освобождение труда» против народничества не случайно вызывала опасения западноевропейских социал-демократов, в том числе и Энгельса. «Они боялись, — объяснял Плеханов, — что наша пропаганда, вызвав раскол в революционной партии, ослабит энергию ее борьбы с правительством»¹¹⁾.

Один из членов группы «Освобождение труда» Л. Г. Дейч задавался вопросом: почему Энгельс, в 70-х годах резко выступавший против Ткачева, Бакунина и других идеологов народничества, в 80-е годы стал благоволить к народovolьцам? Удовлетворительного ответа на этот вопрос Дейч не дал. А суть дела состояла в том, что народovolьчество развернуло политическую борьбу с царизмом, в то время как старое народничество проявляло к такой борьбе полнейшее равнодушие. Вторая сторона ответа состояла в том, что народovolьцы выступали идеологами широких масс обездоленного рос-

⁹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 263.

¹⁰⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 515—516.

¹¹⁾ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8, ч. 1, с. 91.

сийского крестьянства, без революционной поддержки которого не мог рассчитывать на победу еще не сложившийся в России рабочий класс. Отсюда и сама попытка народovolьцев найти такой путь к социализму, с помощью которого можно было бы, по словам Энгельса, «избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе»¹²⁾, была понятна основоположникам научного коммунизма и исторически ими оправдывалась.

Энгельс с каждым годом внимательнее прислушивался к голосу пионеров российского марксизма, особенно ценя произведения Плеханова. Он тщательно изучает российскую действительность, глубже знакомится с «Нашими разногласиями» и материалами «дискуссии», разгоревшейся между членами группы «Освобождение труда», с одной стороны, и народovolьцами — с другой. Энгельс начинает приходить к выводу о своевременности выступления Плеханова и его единомышленников против народovolьцев. Особенно его убеждают в этом первые успехи марксизма в России.

В конце 80-х годов состоялось, наконец, личное знакомство Энгельса с Плехановым, Аксельродом, Засулич. В июле 1889 г. Аксельрод и Плеханов при содействии С. М. Степняка (Кравчинского) посетили Энгельса на его квартире в Лондоне. Впоследствии подобные встречи повторялись, происходили продолжительные беседы. С большим удовлетворением Плеханов писал по этому поводу: «В 1889 году я... отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом. Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы»¹³⁾.

С этого времени и до конца своей жизни Энгельс поддерживал постоянную дружескую связь с членами группы «Освобождение труда», как письменную, так и личную. Он помогал группе не только в издании переводов марксистских произведений, но и активным сотрудничеством в русской марксистской печати. Так, по просьбе Засулич в первом номере первого русского марксистского органа «Социал-демократ» (1890 г.) появилась его большая статья «Внешняя политика русского царизма».

Энгельс высоко ценил статьи Плеханова. О его философском труде «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» и о многих других произведениях он писал, что они «превосход-

¹²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 446.

¹³⁾ Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, М., Госиздат, 1923, с. 21—22.

ны»¹⁴⁾, отмечал «истинно социалистическую деятельность Плеханова», считал его «не ниже Лафарга или даже Лассалья»¹⁵⁾. В одной из бесед с русским прогрессивным литератором А. Воденом, который пожаловался, что Плеханов вынужден защищаться и защищать от извращений со стороны народников основные положения марксизма, Энгельс с улыбкой заявил по-русски: «Кто Плеханова обидит, не обидит ли всякого сам Плеханов?»¹⁶⁾, имея в виду плехановскую эрудицию и высокое искусство полемики.

С похвалой отзывался Энгельс и о работах Засулич, соглашаясь с ней в том, что «необходимо везде и всюду бороться против народничества — немецкого, французского, английского или русского»¹⁷⁾. Не считая целесообразным вмешиваться в борьбу русских марксистов с народолюбцами, он тем не менее оказывал первым всестороннее содействие, доказывая в письмах к представителям народолюбчества несостоятельность их взглядов на судьбы русского капитализма.

Чутко прислушивался к советам Энгельса Плеханов. Прекрасно отдавая себе отчет в том, каким громадным авторитетом среди международной социал-демократии пользуется друг и соратник Маркса, он стремился использовать это обстоятельство в интересах быстрейшего преодоления народнической идеологии. В своих письмах к Энгельсу Плеханов неоднократно выражал сожаление, что обстоятельства не позволяют ему снова лично встретиться с «учителем», побеседовать, получить советы. «Моя мечта, — читаем мы в одном из этих писем, — поездка в Лондон, где я смогу с Вами увидеться и поговорить о положении в России и моих теоретических работах»¹⁸⁾. «Мне передали, — пишет он в другом письме, — что Вы написали несколько благожелательных слов... по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, то я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы»¹⁹⁾.

Во время Цюрихского конгресса II Интернационала (1893 г.) произошла вторая встреча Энгельса с Плехановым, Аксельродом и Засулич, после чего отношения между «сторонами» приобрели особую близость и теплоту.

14) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 205.

15) Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, с. 343.

16) Вспоминания о Марксе и Энгельсе. М., Госполитиздат, 1956, с. 343.

17) Переписка... с. 314.

18) Там же, с. 323.

19) Там же, с. 325.

В 1894 г., когда французские власти выслали Плеханова из страны, он несколько месяцев провел в Лондоне, где часто бывал у Энгельса, пользовался его библиотекой, иногда просиживал у него целые вечера. Засулич в октябре 1894 г. также жила в Лондоне и была желанной гостьей у Энгельса.

Большую идейную поддержку русским марксистам оказывал Энгельс своими трудами, посвященными социальным отношениям в России. Эти труды были изданы группой «Освобождение труда» под названием «Фридрих Энгельс о России» в 1894 г. Перевод осуществила В. И. Засулич. В эти труды вошла статья из серии «Эмигрантская литература» (пятая) со специальным «Введением» (1875 г.) и «Послесловием» (1894 г.) автора. «Послесловие» целиком было направлено против народолюбчества. Энгельс объяснял в нем изменение своих и Маркса взглядов на судьбы русской общины. «Тогда (в конце 70-х—начале 80-х годов. — М. С.), — писал он, — свержение царизма казалось близким... Теперь в России заложены все основы капиталистического производства»²⁰⁾. Отсюда — упования на общину бесперспективны.

Однако и в эти годы Энгельс продолжал считать, что «полемика с народолюбцами могла бы вестись и не столь резко». Он не одобрял «стремления без крайней надобности обострять конфликт» с народниками и не мог симпатизировать намерению поскорее добиться в России противопоставления: здесь — правоверные марксисты, там — только оттенками различающаяся «реакционная масса»²¹⁾.

В условиях начала 90-х годов прав был в этом вопросе Плеханов, а не Энгельс, потому что «Народная воля» агонизировала и тормозила распространение идей научного социализма. Однако в плане исторической перспективы прав был Энгельс, отстаивая идею совместных выступлений марксистов и народников как идею блока представителей пролетарской демократии с демократией крестьянской. Как известно, именно эту идею отстаивали впоследствии в условиях первой русской революции В. И. Ленин и большевики, а Плеханов и меньшевики догматически выступали против нее.

В своем письме к Энгельсу в июне 1894 г. Плеханов выразил полную солидарность с мнением своего учителя о вреде индивидуального террора, о его пагубных последствиях для дела революции в России: «В Вашей брошюре «Об общественных отношениях в России» Вы высказали очень правильную мысль, что развитие оппозиционного движения в нашей

20) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 449—450.

21) Летописи марксизма. Сборник IV, М., Госиздат, 1927, с. 929.

стране идет вполне хорошо и единственное, что может испортить дело — это организованное революционерами преждевременное восстание... Таким преждевременным восстанием был «террор». Террористическая борьба истощила все силы интеллигенции и бросила буржуазию и дворянство в объятия царизма»²²).

Далее Плеханов говорит в этом письме о том, какое громадное значение для революции приобретает революционная пропаганда, ведущаяся при помощи заграничных изданий.

«Революционная пропаганда в современной России, — пишет он, — может быть только марксистской... поэтому каждое Ваше слово может оказать решающее воздействие на позднейшее развитие наших революционных идей»²³). И в этой связи Плеханов просит Энгельса вновь и вновь заняться Россией, писать о ней, наставляя своим опытом и советами русских революционных деятелей.

Плеханов не соглашается с мнением Энгельса о том, что будто бы народнический публицист, первый переводчик на русский язык «Капитала» Даниельсон (Николай-он) является последовательным марксистом и убежденным революционером. В одном из писем к «учителю» он замечает: «Вы знакомы, конечно, с книгой Николай-она «Очерки нашего пореформенного общественного развития»? Это — во многих отношениях замечательная книга. Но выводы автора? — Для того, чтобы установить равенство, нет необходимости бороться против самодержавия. Наоборот, абсолютная монархия сама поможет нам осуществить нашу задачу — социалистическую организацию наших производительных сил». «И это, — заключает Плеханов, — говорит революционер?!»²⁴).

Рассматривая далее хозяйственное развитие России по капиталистическому пути, Плеханов замечал: «Вы видите, что если во времена Маркса наши русские революционеры могли черпать известную энергию в той мысли, что Россия не пройдет капиталистической фазы развития, то в наши дни та же идея становится очень опасной утопией. Теперь совершенно необходимо с ней бороться... Николай-он ставит вопрос о капитализме, как будто он еще не существует в России. В действительности мы уже страдаем от капитализма и, кроме того, страдаем от того, что капитализм недостаточно развит»²⁵).

22) Переписка..., с. 329.

23) Там же, с. 330.

24) Там же, с. 331.

25) Там же, с. 334.

Когда в 1894 г. вышла из печати и получила распространение книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и Засулич сообщила об этом Энгельсу, присовокупив, что в Петербурге книга произвела фурор, Энгельс ответил: «Книга Георгия (Плеханова. — М. С.) появилась очень кстати; сегодня газеты сообщают, что Николай (русский царь Николай II. — М. С.) только что заявил земствам, что будет стоять за самодержавие так же крепко, как и его отец. Нет лекарств против глупости государей. Тем лучше, если Георгий произвел фурор»²⁶).

Несколько позже в письме к самому Плеханову Энгельс, выражая автору благодарность за присылку ему указанной книги, с удовлетворением отметил, что ее удалось легально издать в России. Он считал, что это является прецедентом, означющим завоевание революционерами новых позиций в борьбе с самодержавием. «А уж если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, то это — Николая II»²⁷), — замечал он пророчески напоследок.

В письме к Энгельсу от 20 февраля 1895 г. Плеханов вновь возвращается к вопросу о Даниельсоне и просит своего учителя высказать в печати мнение о нем: «Ваш голос положит конец всем превратным толкованиям этого господина... приносящего большой вред нашему революционному движению»²⁸), — пишет Плеханов.

Энгельс откликнулся на это письмо следующим образом: «Что касается Даниельсона, боюсь, что с ним ничего не поделаешь. Я переслал ему письмом материалы о русских делах из моего сборника «Статьи на международные темы» из газеты «Фолькстаг» и особенно приложения 1894 года («Послеловие» к статье «Об общественных отношениях в России». — М. С.), отчасти направленные прямо по его адресу. Он это получил, но, как видите, все ни к чему. Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийную коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную святую Русь, от других неверных народов. В самом деле, народник, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет монархистом»²⁹).

26) Переписка..., с. 336—337.

27) Там же.

28) Там же, с. 339—340.

29) Там же, с. 341.

Как видим, доводы Плеханова против Даниельсона оказались убедительными, и Энгельс признал, что Даниельсон, а вместе с ним и все народничество 90-х годов стоят не на революционных, а на реакционных позициях. Однако выступать с этим мнением печатно, как на том настаивал Плеханов, Энгельс не стал.

Между тем вопрос об окончательном сокрушении народнической идеологии был исключительно важным для марксистов России 90-х годов: народнический утопический социализм мешал распространению марксизма в стране, стремился сбить революционное движение на ложный путь поисков соглашения с царизмом. Поэтому Плеханов в третий раз, рискуя оказаться назойливым для престарелого и уже безнадежно больного учителя, просит его выступить в печати против Даниельсона, хотя Энгельс и жаловался на то, что ему приходится много работать, а для полемики с народниками пришлось бы знакомиться с обширной литературой, в то время как его просят также печатно выступить против итальянского оппортуниста Лориа и т. п.

«Положение для нас так ясно, — читаем мы в очередном письме Плеханова к Энгельсу, — что не требуется долго изучать его, чтобы осудить «государственный социализм» Даниельсона. Несколько неодобрительных слов с Вашей стороны принесли бы большую пользу, и именно о такой помощи русской революции я говорил в моем предыдущем письме. Раз Вы очень заняты, не буду к этому возвращаться. Но если бы встал вопрос о выборе между Даниельсоном и Лориа, то я бы сказал Вам: «Генерал *), выберите Даниельсона — это важнее»³⁰⁾.

Это действительно было важнее, но Энгельс тогда уже был близок к смерти. В конце мая—начале июня 1895 г. Плеханов отправил ему очередное письмо, оказавшееся последним и безответным. Очень интересны в этом письме следующие строки: «В России становится жарко. Что-то будет, что-то будет!... Посылаю Вам русскую брошюру. Прочтите конец этой брошюры и Вы увидите, что борьба наших народников все более и более вырождается в союз с царизмом»³¹⁾. Этой брошюрой была, несомненно, книга В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Умел Энгельс подмечать не только сильные, но и слабые стороны первых русских марксистов. И он указывал на них

*) «Генералом» называли Энгельса в кругу семьи К. Маркса.

³⁰⁾ Переписка... с. 343.

³¹⁾ Там же, с. 345.

своим «русским друзьям» со свойственной ему деликатностью, но вместе с тем и настойчивостью. Так, уже упоминавшийся А. Воден в своих воспоминаниях писал, что в личном разговоре с ним Энгельс настойчиво поручал ему передать Плеханову дружеский совет «заняться главным образом достойными его научными трудами, особенно по аграрному вопросу, но не в форме полемики, а по существу»³²⁾. В этом совете был явный намек, во-первых, на важность разработки аграрного вопроса для такой аграрной страны, как Россия, а во-вторых, на то, что Плеханов, отошедший в свое время от народничества к марксизму, слишком круто изменил свои взгляды на крестьянство, революционные возможности которого не были еще исчерпаны.

Грядущую революцию в России Энгельс совершенно справедливо рассматривал как буржуазно-демократическую, отмечая, однако, что «подлая и невежественная» русская буржуазия вовсе не заинтересована в уничтожении царизма, так как «всем своим существованием она обязана государству», дающему ей возможность беспощадно эксплуатировать рабочих и охраняющему ее от народного гнева. Это мудрое указание Энгельса также определенным образом относилось к Плеханову и его соратникам по группе «Освобождение труда», которые, как известно, переоценивали революционные возможности российской буржуазии. Последнее обстоятельство подтверждается еще и тем, что Энгельс решительно отвергал апологетические суждения П. Б. Струве о русском капитализме, чего не сделали ни Плеханов, ни кто-либо другой из членов группы «Освобождение труда». Только молодой В. И. Ленин одновременно с Энгельсом заметил опасность струвизма.

Такова в кратких чертах подлинная история взаимоотношений Энгельса с первыми русскими марксистами — членами группы «Освобождение труда». Как видим, она не имеет ничего общего с теми злопахательскими наветами, которые пытаются возвести на нее старые и новые враги марксизма, враги коммунизма. Подлинная история взаимоотношений одного из основоположников марксизма Энгельса с первой русской марксистской группой свидетельствует об их длительном плодотворном сотрудничестве, о глубоких взаимных влияниях, о громадной революционной помощи, оказанной Энгельсом молодому, но быстро прогрессирующему российскому революционному движению в лице его первых марксистских представителей.

³²⁾ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, с. 348.